

ленных за определенными речевыми актами. Ср., например, трансформацию английского вопросительного предложения в русское повелительное предложение при переводе формулы приведения свидетеля к присяге:

'Do you solemnly swear to tell the truth, the whole truth and nothing but the truth, so help you God?'

I do' —

"— Торжественно поклянитесь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, да поможет вам бог!

— Клянусь".

Иногда перевод ритуальных формул влечет за собой более сложные семантические и синтаксические преобразования: But just then, and before he could say anything more, a resounding whack, whack from somewhere. And then a voice: "Order in the Court! His Honor, the Court! Everybody please rise!" (Dreiser) — <<Но не успел он вымолвить и слова, как раздался оглушительный стук и чей-то голос произнес: „Суд идет! Прошу встать!">>

Перевод восклицания судебного пристава требует опущений ("Order in the Court!" = 0), смысловых сдвигов (деятель — действие: His Honor, the Court! — Суд идет!) и др.

Не менее сложные трансформации влечет за собой порой перевод устойчивых формул речевого этикета (behabitives): "See you later, Mary" — Пока, Мэри..., "Be seeing you, John" — Ну будь здоров, Джон; The two cadets exchanged the careless 'See you's' that people say when they know they will see each other again in a few hours (Life) — «Курсанты обменялись небрежным „Пока", которое произносится, когда люди знают, что им предстоит снова увидеться через несколько часов».

Русские эквиваленты этих формул речевого этикета подыскиваются как "готовые блоки", соответствующие данной коммуникативной ситуации (прощание, неформальные ролевые отношения между собеседниками).

УСТАНОВКА НА ПОЛУЧАТЕЛЯ

Рассмотрим следующее звено в коммуникативной цепи, представленное элементами ТП в первичной коммуникации и Т'П² во вторичной. Основной прагматической установкой, характеризующей это звено, является учет расхождений в восприятии одного и того же текста со стороны носителей разных культур, участников различных коммуникативных ситуаций. Здесь сказываются различия в исходных знаниях, представлениях, интерпретационных и поведенческих нормах. По сути дела, этот раздел весьма наглядно подтверждает мысль о том, что "область лингвистической прагматики не имеет четких контуров" [Арутюнова, Падучева, 1985, 41]. В самом деле, круг вопросов, входящих в сферу прагматических отношений "текст—получатель", тем более в ситуации, при которой первичные коммуникативные отношения проецируются на вторичные, настолько широк, что едва ли может быть исчерпывающе освещен в рамках настоящего раздела. Поэтому мы ограничимся лишь некоторыми из многочисленных переводчес-

ких проблем, имеющих самое непосредственное отношение к установке на иноязычного получателя.

Прежде всего начнем с отражаемой в тексте предметной ситуации. В этой связи особый интерес представляет перевод реалий — изучаемых внешней лингвистикой понятий, относящихся к государственному устройству данной страны, истории, материальной и духовной культуре данного народа. Сама специфика реалий такова, что они часто находятся вне фонда знаний носителей другой культуры и другого языка.

Как отмечают С. Влахов и С. Флорин, «понятие "перевод реалий" дважды условно: реалия, как правило, непереводаема (в словарном порядке), и, опять-таки, как правило, она передается (в контексте) не путем перевода... Основных трудностей передачи реалий при переводе две: 1) отсутствие в ПЯ соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого... объекта (референта) и 2) необходимость наряду с предметным значением (семантикой) реалии передать и колорит (коннотацию) — ее национальную и историческую окраску» [Влахов, Флорин, 1980, 79—80].

В тех случаях, когда у реалии есть словарный эквивалент в языке перевода, казалось бы, их перевод не связан с особыми трудностями и едва ли может быть отнесен к числу *crucis translatorum* ("крестных мук переводческих") [Левый, 1974, 149], например: — Да вот хоть черкесы, — продолжал он, — как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка (Лермонтов) — *Take even the Chercassians,' he went on, 'as they drink their fill of bouza at a wedding or a funeral, the fight begins'*.

Однако даже тогда, когда такой эквивалент действительно существует и зафиксирован в словарях, переводчик далеко не всегда может быть уверен в том, что эквивалент входит в рецептивный словарь конечного получателя: Подъехав к подошве Кайшаурской горы, мы остановились возле духана...(Лермонтов) — *On reaching the foot of the Kashaur mountain, we stopped outside a dukhan...* Английский переводчик М. Паркер сопровождает образованный путем транслитерации словарный эквивалент примечанием: "*Caucasian tavern.*" Показательно, что аналогичным образом поступают и составители словарей. Так, составитель "*Oxford Russian-English Dictionary*" М. Уилер, переводя *духан* как *dukhan*, сопровождает его пояснением: "*inn in Caucasus*".

Весьма часто при передаче реалий используются гиперонимические (генерализирующие) трансформации, в ходе которых снимаются дифференциальные признаки реалий, составляющие их национальную специфику. Такое решение может быть мотивировано тем, что перенасыщение текста элементами национального колорита может, как отмечалось выше, приводить к нарушению адекватности перевода. Ср. следующий пример: За неимением комнаты для проезжающих на станции нам отвели ночлег в дымной сакле (Лермонтов) — *As there was no room for travellers at the post house, we were given lodging in a smoky hut.* Слово *hut* определяется в "*Oxford's Advanced Learner's Dictionary*" как *a small, roughly made house or shelter.* В "Большом

англо-русском словаре" значение этого слова раскрывается с помощью цепочки синонимов — 'хижина', 'лачуга', 'хибарка'. В то же время в "Толковом словаре русского языка" заимствованное из грузинского *sakla* определяется как 'хижина, жилище кавказских горцев'. Английский эквивалент не содержит сам по себе указания на то, что речь идет о жилище кавказских горцев, но это опущение восполняется контекстом.

Существенным элементом выбора той или иной переводческой трансформации при переводе реалий является функциональная роль, которую они выполняют в данном тексте, например: — Про матушку нечего сказать, женщина старая. Четьи минеи читает, со старухами сидит, и что Сенька-брат порешит, так тому и быть (Достоевский) — Mother is all right. She's an old woman, reads the lives of the saints, sits with her old women, and what my brother says goes. Церковно-историческая реалия "Четьи минеи" означает издание православной церкви — книгу для чтения на каждый день месяца, содержащую преимущественно жития святых. В гиперонимическом переводе снимается ряд дифференциальных сем: книга для чтения, на каждый день месяца. Но эта детализация в данном случае не столь важна. Ведь назначение фразы *Четьи минеи* читает...заключается в том, чтобы показать набожность матери Рогожина. Гиперонимическая трансформация преследует в данном случае стилистические цели: она передает экспрессивную окраску исходного выражения.

Для восполнения лакун в системе номинации языка перевода широко используется и интергипонимический способ перевода реалий, т.е. замена одного видового понятия другим в рамках единого родового понятия. Здесь, так же как и в случае генерализации (гиперонимической трансформации), действует функциональный принцип: решающим критерием при выборе способа перевода является степень релевантности дифференциальных признаков, отличающих одно видовое понятие от другого: 'I had Earl take down their names and subpoena 'em for the inquest next Monday.' And the coroner proceeded to retail their testimony about the accidental meeting of Clyde (Dreiser) — "— Я велел Эрлу записать их имена, заполнить повестки и вызвать их в понедельник для допроса. — И следователь подробно передал показания этих людей об их случайной встрече с Клайдом".

В переводе американские реалии coroner и inquest приравниваются к русским словам *следователь* и *допрос*. В американском словаре "The Random House Dictionary | of the English language" coroner определяется следующим образом: "an officer, as of a county or municipality, whose chief function is to investigate by inquest, or before a Jury, any death, not clearly resulting from natural causes." Таким образом, речь идет о специальном должностном лице, судебном дознавателе ("коронере"), производящем дознание с участием присяжных в случае насильственной смерти. "Коронер" и "следователь", точно так же как "дознание" и "допрос", — это смежные, но не идентичные понятия. "коронер" и "следователь" — два видовых понятия в рамках родового "должностное лицо, производящее предварительное следствие", а "следствие" и "дознание" — в рамках родового понятия "выяснение обстоятельств уголовного дела". Поскольку дифференциация этих понятий

в данном контексте несущественна, переводчик заменил их близкими, хотя и не тождественными, понятиями культуры воспринимающей среды. При этом он сознательно пошел на некоторые (пусть незначительные) смысловые потери, которые не позволяют рассматривать приведенный выше вариант как полностью эквивалентный оригиналу, хотя и не нарушают охарактеризованных выше условий адекватности.

В ряде случаев переводчик использует в качестве межкультурного соответствия культурные аналоги, занимающие иное место в соответствующей системе и отличающиеся рядом существенных характеристик, но совпадающие по ряду функциональных признаков, релевантных для данной ситуации. В этих случаях перевод сводится к замене той или иной культурной, исторической или иной реалии ее контекстуальным аналогом: *Alas! we shall never hear the horn sing at midnight, or see the pike-gates fly open any more (Thackeray)* — "Увы! Никогда уже не услышим мы звонкого рожка в полночи и не увидим взлетающего вверх шлагбаума".

Pike-gate и *шлагбаум* представляют собой не тождественные реалии (*pike-gate* — турникет на заставе, где взимается подорожный сбор). Однако наличие у них функционального инварианта (барьер на дороге) обеспечивает их взаимозаменяемость в этом контексте.

Если в приведенном выше примере национальная реалия заменяется нейтральным аналогом (*pike-gate* — *шлагбаум*), то в следующем примере национальная русская реалия заменяется английской: А что касается отцов и дедов, то они у нас и однодворцами бывали (Достоевский) — *As for our fathers and grandfathers, some of them were only peasant freeholders.* Рус. *однодворец* (низший разряд служилых людей, владевших небольшой землей) и англ. *peasant freeholder* обнаруживают, несмотря на социально-исторические различия, ряд общих, релевантных для данного контекста признаков (личная свобода, владение небольшим земельным участком, промежуточное положение между крестьянами и помещиками).

Проблема перевода реалий тесно соприкасается с пресуппозицией, одной из важнейших категорий прагматики. Самое непосредственное отношение к проблеме реалий имеет тот класс пресуппозиций, который Н.Д. Арутюнова и Е.В. Падучева относят к прагматическим презумпциям, касающимся знаний и убеждений говорящих. "Говорящий, который высказывает суждение S, имеет прагматическую презумпцию P, если он, высказывая S, считает P само собой разумеющимся — в частности, известным слушателю" [Арутюнова, Падучева, 1985, 39]. Отсюда следует, что понятие прагматической презумпции тесно связано с понятием фоновых знаний (*background knowledge*), т.е. исходных знаний, имплицитно присутствующих в высказывании.

Перевод вносит существенные коррективы в прагматические презумпции исходного текста. Ведь если отправитель исходного текста считает P само собой разумеющимся и, стало быть, известным читателю исходного текста, то из этого еще не следует, что данная прагматическая презумпция остается в силе и для читателя перевода — носителя другого языка и другой культуры.

Именно поэтому при передаче реалий, неизвестных или малоиз-

вестных иностранному получателю, переводчик нередко предпочитает прибегать к поясняющим добавлениям или к поясняющему (интерпретирующему) переводу: A call to stop the Saturn contract from becoming the pattern is among the 25 resolutions adopted by Local 599 of GM's Buick City auto complex in Flint, the largest of the UAW contingents in GM — «Требование не допустить, чтобы контракт на строительство центра автомобильной промышленности „Сатурн“ стал эталоном на будущее, является одной из 25 резолюций, принятых местной профсоюзной организацией № 599 в Бюик Сити, центре автомобилестроения компании „Дженерал моторс“ во Флинте, где сосредоточен крупнейший контингент членов Объединенного профсоюза рабочих автомобилестроительной, аэрокосмической и сельскохозяйственной промышленности, работающих в этой компании».

Здесь отсутствие у отправителя и получателя одинаковых прагматических презумпций обуславливает ряд поясняющих добавлений: the Saturn contract — контракт на строительство центра автомобильной промышленности "Сатурн", GM — компания "Дженерал моторс", local — местная профсоюзная организация, auto complex — центр автомобильной промышленности.

Поясняющий перевод нередко принимает форму развертывания усеченного или сокращенного обозначения той или иной реалии: ...they had the best pew at the Foundling...(Thackeray) — "...у них была самая лучшая скамья в церкви воспитательного дома". Foundling в английском тексте представляет собой усеченный вариант Foundling Hospital 'воспитательный дом'. Встречающееся в том же предложении слово pew 'скамья со спинкой в церкви служит основанием для пресуппозиции о существовании в воспитательном доме церкви. Отсюда серия развертывающих трансформаций: Foundling 'воспитательный дом' — церковь воспитательного дома.

Наряду с поясняющим дополнением часто используется поясняющий (интерпретирующий) перевод: —...Я тогда, князь, в третьегоднейшей отцовской бекеше через Невский перебежал, а она из магазина выходит, в карету садится (Достоевский) — "...You see, Prince, I was just running across Nevsky Avenue in my dad's long three-year-old overcoat when she came out of the shop and got into her carriage." Здесь бекеша 'старинное долгополое пальто' объясняется как long overcoat.

Порой реалия, знание которой входит в прагматическую презумпцию, лежащую в основе исходного текста, одновременно представляет собой аллюзию — стилистическую фигуру, намек посредством упоминания общеизвестного реального факта, исторического события, литературного произведения и т.п. Приведем в качестве примера известный эпизод из "Пигмалиона" Б. Шоу. Профессор Хиггинс удивляет прохожих своей феноменальной способностью определять, откуда они родом, по их выговору. В разговор вмешивается саркастически настроенный прохожий и говорит, что он легко определит, откуда сам Хиггинс: I can tell you where you come from. You come from Anwell. Go back there - "Я вам скажу, откуда вы сами. Из Бедлама. Вот и сидели бы там". Hanwell (или, как его произносит говорящий на кокни прохожий, Anwell) — название лондонского пригорода, где распо-

ложена известная психиатрическая клиника — факт, входящий в фоновые знания английского читателя, но едва ли известный русскому. Переводчик использует интергипонимический сдвиг: Хэнуэл — Бедлам.

Ср. еще один пример из Шоу: At Harrow they called me the Woolwich Infant — «В Хэрроу меня звали „мальчик из арсенала"». Woolwich Infant, кличка, которую дали одноклассники персонажу из "Майора Барбары" Стивену, — намек на его происхождение: Вулидж — район в восточном Лондоне, где расположен знаменитый арсенал (отец Стивена — крупный оружейный фабрикант). Перевод на русский язык потребовал раскрытия импликации: the Woolwich Infant — "мальчик из арсенала".

Среди переводимых аллюзий особое место занимают ссылки на литературные произведения и литературных персонажей, хорошо известных получателю исходного текста, но необязательно знакомых получателю конечного текста. Так, в русском языке источником многочисленных литературных аллюзий является "Горе от ума" Грибоедова, произведение малоизвестное английскому и американскому читателю. Дословная передача такого рода аллюзий, как правило, не достигает своей цели, оставляя нераскрытой лежащую в ее основе импликацию, например: Их злоба, негодование, остроумие — помещицы (даже дофамусовские)...(Достоевский) — Their malice, Indignation, and wit are all typical of the men of that class (even before Famusov)...

Even before Famusov, не снабженное ни примечанием, ни поясняющим дополнением, никак не может быть признано прагматически эквивалентным рус. *даже дофамусовские*. Здесь, очевидно, необходимо раскрыть аллюзию либо путем построчного комментария, либо одним из описанных выше способов: early in the Century, at the turn of the Century, etc.

Иногда возникает возможность нахождения сходной литературной аллюзии из другого, хорошо известного иноязычному получателю, источника. Этот прием, нередко используемый переводчиками, требует предельной осторожности. Ср., например, следующие переводы одного и того же отрывка из "Идиота" Достоевского:

...ведь ты мертвый, отрекомендуйся мертвецом: скажи, что "мертвому можно все говорить"... и что княгиня Марья Алексеевна не забранит, ха-ха! —

а) перевод советского переводчика Ю.М. Катцера: —...but you're dead, you know. Introduce yourself to her as a dead man and say, "The dead are allowed to say anything" — Princess Maria Alekseevna wont scold you ha-ha!

Здесь Princess Maria Alekseevna сопровождается примечанием переводчика: A personage in Wit Works Woe, the celebrated classical comedy in verse by Alexander Griboyedov (1795-1829). Roughly, the Russian equivalent of Mrs. Grundy;

б) перевод английского переводчика Д. Магаршака: ...but you're dead — dead — introduce yourself as a dead man, tell her, "A dead man may say anything" — and that Mrs. Grundy won't be angry, ha-ha!

Госпожа Гранди, которую вводит в свой перевод Д. Магаршак, ограниченная женщина, нетерпимо относящаяся к любым нарушениям

светских условностей, — персонаж, упоминаемый в пьесе "Speed the Plough" (1798) английского драматурга Т. Мортон.

Думается, что превращение княгини Марьи Алексеевны в госпожу Гранди привносит в текст "чуждый национальный колорит", приводит к его "англизации". Поэтому более приемлем перевод Ю.М. Катцера.

Рассмотрим вопрос о роли переводческих примечаний в переводе реалий. Сравнение двух переводов романа Достоевского "Идиот" свидетельствует о том, что Ю.М. Катцер широко использует этот прием, тогда как в переводе Д. Магаршака примечания переводчика практически не встречаются.

Без пояснения или примечания смысл аллюзии в переводе Магаршака часто остается неясным: Подколесин в своем типическом виде, может быть, даже и преувеличение, но отнюдь не небывальщина (Достоевский) — *As a type, Gogol's character Podkolyosin is perhaps an exaggeration but he is not by any means a myth.*

Для адекватного раскрытия аллюзии необходимо было примечание или объяснительное дополнение, раскрывающее релевантные для данного текста черты Подколесина (нерешительный, колеблющийся, неуверенный в себе, например: *Gogol's irresolute character Podkolyosin...*).

Отсутствие в переводе М. Паркера ссылки на источник аллюзии не дает возможности воспроизвести существенный элемент культурного фона "Героя нашего времени": На западе пятиглавый Бешту синее, как "последняя туча рассеянной бури" — *Five-peaked Beshtau looms blue in the west like "the last cloud of a dispersed storm"* (по-видимому, следовало: *like Pushkin's "last cloud..."*).

Точно так же возникают сомнения относительно раскрытия смысла аллюзии в переводе на русский язык следующего отрывка из пьесы Шоу "Майор Барбара":

*U n d e r s c h a f t . ..."My ducats and my daughter!" —
«Андершафт. „Мои дукаты и моя дочь!"»*

В этом эпизоде Андершафт цитирует слова Шейлока из пьесы Шекспира "Венецианский купец", когда узнает, что его дочь сбежала, унеся с собой его деньги. Широко известная в английском языке цитата, импликация которой предельно ясна читателю оригинала, едва ли будет полностью понятна русскому читателю.

Раскрытие лежащих в основе текста пресуппозиций и импликаций требует порой глубокого проникновения во внеязыковой контекст. Об этом, в частности, свидетельствует следующий отрывок из книги "Don't Fall Off the Mountain", автобиографии американской кинозвезды Шерли Маклейн: *I was born into a cliché-loving middle class Virginia family. To be consistent with my background I should have married an upstanding member of the community and had two or three strong-bodied children who ate Wonder Bread eight ways.*

Этот пример приводится в цитированной выше книге В. Вильса. Пример сопровождается переводом на немецкий язык Евы Шенфельд: *Ich wurde in ein; traditionsbewusste KleinOrgerfamilie Virginias hineingeboren. Um den klischeevorstellungen meiner Umwelt zu genügen, hätte ich ein aufstrebendes Gemeindemitglied ehelichen und ihm zwei bis drei*

wohlgeratene Kinder gebären müssen, die Gesundheitsbrot auf acht verschiedene Arten assen.

Не удовлетворенный этим переводом, Вильс предлагает свой собственный вариант: Ich kam im Virginia als King einer klischeeliebenden Mittelstandsfamilie zur Welt. Hätte ich ihren gesellschaftlichen Vorstellungen treu bleiben wollen, hätte ich ein stattliches Mitglied unserer Gemeinde heiraten und zwei oder drei kräftige Kinder bekommen (kriegen) müssen, die Golden Toast auf achterlei Art assen.

Ср. наш собственный перевод этого отрезка на русский язык: 'Я родилась в Вирджинии в мыслящей прописными истинами мещанской семье. Если бы я осталась верной своей среде, то вышла бы замуж за столпа местного общества и родила бы ему двух или трех крепышей, вроде тех, которых изображают на рекламах детского питания'.

Здесь основной пресуппозицией, лежащей в основе выбора языковых вариантов при переводе является то, что автор порвал со своей средой. Отрицательное, ироническое отношение к этой среде является лейтмотивом всего отрывка. Так, Е. Шенфельд передает middle-class family как Kleinbürgerfamilie. В. Вильсу такой перевод представляется отступлением от подлинника, переоценкой, привносящий в текст пейоративную коннотацию. С этим едва ли можно согласиться (ведь и в английском языке middle-class не вполне нейтральное понятие).

Известная нейтрализация оценочного признака происходит при передаче англ. cliché-loving посредством нем. traditionsbewusst, но это компенсируется при передаче background словосочетанием Klischeevorstellungen meiner Umwelt.

Пожалуй, наиболее интересным компонентом этого отрывка является его концовка: ...two or three strong-bodied children who ate Wonder Bread eight ways. Разумеется, американскому читателю хорошо знаком этот широко рекламируемый продукт. Фраза who ate Wonder Bread eight ways воспроизводит в несколько модифицированном виде текст популярной рекламы. Вариант, предлагаемый Е. Шенфельд (die Gesundheitsbrot auf acht verschiedene Arten assen) не раскрывает коннотации оригинала. Единственное преимущество, которым обладает по сравнению с ним вариант В. Вильса, — это введение в текст названия хлебного продукта — Golden Toast, знакомого западногерманскому читателю. Однако и здесь коннотация исходного текста не раскрыта.

Попытаемся обосновать предлагаемый нами перевод. Фраза cliché-loving middle-class family переводится как 'мыслящая прописными истинами мещанская семья'. В русском языке слово *клише* чаще всего ассоциируется с газетными штампами и означает шаблонное выражение, избитую мысль. Отсюда — 'мыслящая прописными истинами', выражение, более приемлемое в данном контексте и более понятное, чем, скажем, 'любящая клише'. В предлагаемом нами варианте middle-class family переводится как 'мещанская семья', что вполне соответствует общей оценочной коннотации отрывка.

Наконец, в концовке предпринимается попытка раскрыть скрытые ассоциации текста. ...two or three strong-bodied children who ate Wonder

Bread eight ways передано как '...двух или трех крепышей, вроде тех, которых изображают на рекламах детского питания'. Такой перевод может показаться несколько вольным. Однако он прагматически мотивирован установкой на русского получателя. В самом деле, если у американского читателя цитата из текста хорошо известной рекламы "чудо-хлеба" (...ate Wonder Bread eight ways) вызывает ассоциации с изображением упитанных малышей, то у русского читателя семантически эквивалентный перевод может вызвать подобные ассоциации лишь при наличии пространных примечаний и разъяснений. Предлагаемый нами вариант построен на отказе от аллюзии, которая содержится в исходном тексте. Вместо нее вводится знакомый читателю образ, основанный на ассоциативной связи рекламы детского питания и пышущих здоровьем малышей. Так раскрывается намек, остающийся нераскрытым при дословном воспроизведении концовки текста.

Еще одним важным аспектом учета установки на получателя является отражение в речи персонажей социально детерминированной вариативности языка — стратификационной, связанной с делением общества на социальные страты — слои, группы и т.п., и ситуативной, связанной с меняющимися параметрами социальной ситуации.

Ниже рассматривается речь, изображаемая в художественном тексте, т.е. в какой-то мере обработанная и стилизованная. Как правило автор не воспроизводит натуралистически спонтанную речь с ее многочисленными отклонениями от языковых и логических правил. Речевые характеристики, в которых выявляется стратификационная и ситуативная вариативность речи персонажей, обычно присутствуют в ней в виде отдельных маркеров (социальных, локальных, ролевых), характеризующих персонажей через особенности их языка. Сложность данной проблемы заключается в том, что эти маркеры приходится воссоздавать средствами другого языка, где сама система стратификационной и ситуативной дифференциации часто носит совершенно иной характер.

Одной из самых сложных задач является передача стратификационной вариативности, находящей свое выражение в локальных особенностях речи.

При передаче диалектной речи и просторечия широко используются различные компенсационные приемы: ...на гробе родительском ночью брат кисти литые, золотые обрезал... Они, дескать, эвона каких денег стоят. Да ведь он за это одно в Сибирь пойти может, если я захочу, потому оно есть святотатство (Достоевский) — That brother of mine cut off he tassels from my dad's coffin at night; solid gold they was; cost a fortune, they does. Why, damn him, I could send him to Sibena for that, so help me, for it's sacrilege, it is...

В переводе вместо русского диалектизма *эвона* и просторечного *потому оно есть святотатство* используются элементы общамериканского (не маркированного локально) просторечия. При этом они являются в тексте не обязательно в тех же местах, где у Достоевского используются диалектно-просторечные элементы. Например, фраза *Они, дескать, эвона каких денег стоят* переведена: cost a fortune, they

does. Здесь просторечное *they does* не входит, подобно *звона*, в структуру адъективно-именной фразы (*звона каких денег*), а добавляется в конце предложения. В другом случае переводчик использует просторечный оборот *solid gold they was* там, где у Достоевского употребляется нейтральное *кисти литые, золотые*.

Такая перестановка элементов стратификационных характеристик вполне возможна и допустима. Дело в том, что их функциональное предназначение заключается в передаче речевой характеристики данного персонажа. Отнесенность стратификационных характеристик к речи персонажа в целом, отсутствие привязанности к тому или иному элементу текста дают возможность переводчику относительно свободно маневрировать этими маркерами в тексте.

Более того, в ряде случаев в качестве экспонентов стратификационной вариативности в переводе избираются единицы совершенно иного уровня языковой структуры. Это происходит, например в тех случаях, когда репрезентация диалектной речи в оригинале целиком и полностью опирается на фонетические характеристики, которые, естественно, не передаются в переводе, например: *Now then, Freddy: look wh' y' gowin, deah... Theres menners Pyer! Тэ-оо banches o voylets trod into the mad... Ow, eez ye-ooa son, is e? Wa!, fewd dan y'de-ooty bawmz a mather should, eed now battarn to sprawl a pore gel's flahrzn than ran awy athaht pyin. Wil ye-oo py me f'them (Shaw).*

В переводе центр тяжести стратификационной характеристики переносится на просторечно окрашенную лексику и фразеологию: "Куда прешь, Фредди? Возьми глаза в руки! А еще образованный. Все фиалочки в грязь затоптал... А, так это ваш сын? Нечего сказать, хорошо вы его воспитали. Разве это дело, раскидал у бедной девушки все цветы и смылся, как миленький. Теперь вот платите, мамаша".

В третьем действии "Пигмалиона", когда Элиза уже прошла коррективный фонетический курс у профессора Хиггинса, ситуация меняется. Из ее речи исчезают фонетические признаки кокни, но сохраняются некоторые грамматические и лексические признаки просторечия. Ср. следующий пример: *What become of her new straw hat that should have come to me?Somebody pinched it;and what I say is, them äs pinched it done her in — "А вот где ее шляпа соломенная, новая, которая должна была мне достаться? Сперли. Вот и я говорю, кто шляпу спер, тот и тетку укокошил"*.

В оригинале на фоне безупречного произношения Элизы рельефно выступают такие просторечные черты, как сленгизмы *pinch* 'украсть', *do in* 'убить', просторечные грамматические формы *what become* (вм. *what has become* или *what became*), *them äs pinched it done her in* (вм. *those who pinched it have done her in*).

Переводчик использует для передачи этих социально маркированных элементов речи просторечную лексику (*спереть, укокошить*), разговорные обороты (*Вот и я говорю*).

Иногда ради передачи важной речевой характеристики допускаются небольшие смысловые сдвиги: *She thought you was a copper's nark, sir (Shaw) — "Она думала, сэр, что вы шпик"*. В английском сленге *a copper's nark* — это полицейский осведомитель, доносчик, тогда как *шпик* —

это сыщик, полицейский шпион. В данном случае такой несущественный семантический сдвиг вполне оправдан, поскольку он передает важный элемент социальной характеристики персонажа.

К проблеме передачи речевых характеристик относится также передача в переводе речи иностранца. Определенную роль в изображении иностранной речи в переводе играют структурные возможности и традиции языка перевода. Рассмотрим следующий пример из романа Хемингуэя "Иметь и не иметь":

'When did you get married?' Rodger asked him.

'Lasta month. Montha for last. You come the wedding?'

'No,'said Rodger. 'I didn`t come to the wedding.'

'You missa something,'said Hayzooz. 'You missa damn fine wedding, what a matta you no come?'—

"— Когда это вы поженились? — спросил его Роджер.

— Прошла месяц. Месяц, который до это. Вы приходил на свадьба?

— Нет, — сказал Роджер. — Я не приходил на свадьбу.

— Вы много потерял, — сказал Хэйсус. — Вы потерял весела свадьба.

Почему так, вы не приходил?"

В оригинале речь кубинца изображается с помощью морфологических и синтаксических маркеров (*lasta month, missa, come the wedding*). В переводе мы находим типичную для русского языка репрезентацию речи иностранца: нарушение правил морфологической связи между элементами синтаксических конструкций (*прошла месяц, вы приходил на свадьба, вы много потерял*), упрощение синтаксических конструкций (*Почему так, вы не приходил?*).

Еще одним аспектом стратификационной вариативности является вариативность, связанная с принадлежностью к различным профессиональным группам. Здесь основной проблемой является передача профессионализмов в речи персонажей, например:

— А вы долго были в Чечне?

— Да, я лет десять стоял там в крепости с ротой у Каменного брода, знаете? (Лермонтов) —

"Were you long in Chechna?"

"Quite a while — ten years garrisoning a fort with a company. Out Kamenny Brod way. Do you know the place?"

Глагол *стоять* в значении 'иметь местопребывание', 'жить' сопровождается в "Толковом словаре русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова пометой *устар. воен.* В прошлом этот лексико-семантический вариант глагола *стоять* был военным профессионализмом. См., например: Городок Б. очень повеселел, когда начал в нем стоять*** кавалерийский полк (Пушкин).

В переводе также используется военный профессионализм (*garrisoning*).

Наконец, помимо социальных речевых характеристик существуют и индивидуальные характеристики, передача которых в их неповторимости является одной из важнейших проблем художественного перевода. В качестве примера можно привести тот витиеватый стиль, которым характеризуется речь одного из персонажей "Идиота" Достоевского — генерала Иволгина, использующего помпезные и высоко-

парные речевые штампы. Ср., например: Все это было для него совершенным сюрпризом, и бедный генерал был "решительно жертвой своей неумеренной веры в благородство сердца человеческого, говоря вообще".

Для передачи этого пародийного стиля необходимо прежде всего найти столь же избитые штампы. Сохранение именно этой черты (т.е. насыщенности штампами) оказалось в данном случае важнее, чем скрупулезное воспроизведение референциального смысла. Именно так поступил английский переводчик этого произведения Д. Магаршак: *АН that came as a great shock to him, and the poor general was 'most decidedly the victim of his unbounded faith in human nature'*. Сторонники дословного перевода найдут здесь некоторые отступления от смысла оригинала. В самом деле, ведь у Достоевского генерал верит в "благородство сердца человеческого", а у Магаршака просто в "человеческую натуру". Но достоинством магаршаковского *unbounded faith in human nature* является то, что это речевой штамп. Таким образом, переданной оказалась важнейшая функциональная характеристика текста.

Перейдем к вопросу о передаче другого важного измерения вариативности речи — ситуативного. Одним из ключевых понятий, лежащих в основе ситуативной дифференциации, является понятие социальной речи. В процессе социального взаимодействия человеку приходится "проигрывать" более или менее обширный репертуар социальных ролей и вступать в различные ролевые отношения (например, начальник — подчиненный, учитель — ученик, отец — сын, муж — жена, приятель — приятель и др.). Смена ролей существенным образом изменяет социальную ситуацию, характеризующую отношения между коммуникантами, отражаясь при этом на выборе языковых средств (социолингвистических переменных) [Швейцер, 1976, 81].

В разделе, посвященном отношению между теорией перевода и социолингвистикой, мы уже касались такого индикатора ролевых отношений, как оппозиция русских личных местоимений *ты* и *вы*. Рассмотрим ее подробнее.

Многозначность и многомерность этой оппозиции [Friedrich, 1972] не дает возможности сформулировать жесткие правила их передачи при переводе на язык, где подобная оппозиция отсутствует, например на английский. Так, в приведенном выше примере из "Идиота" Достоевского публичное обращение Настасьи Филипповны к знакомому человеку на "ты" (афиширование интимных отношений) передается путем добавления интимного обращения *darling*. И далее эта форма обращения настойчиво повторяется: "...Я ведь думала, что ты там... у дяди!" —

' You see, darling, I thought you were at your uncle's.'

Но в других случаях актуализируются другие семантические компоненты этой оппозиции, и переводчику приходится искать иных решений, например прибегать к объяснительному (интерпретирующему) переводу:

« — Парфён, может, я некстати, я ведь и уйду,— проговорил он наконец в смущении.

— Кстати! Кстати! — опомнился наконец Парфён.

Они говорили друг другу „ты» —

I'm sorry, Parfyon', he said, at last, looking embarrassed; 'perhaps, I haven't come at the right moment. I can go away, if you like'.

'No, no!' Parfyon cried recollecting himself. 'Do come in. I'm glad to see you'.

They spoke to each other like two old friends.

Последняя фраза раскрывает коннотацию "дружеского ты", реализуемого в тексте.

Наконец, еще один пример употребления *ты* в том же романе — это асимметричное *ты*, используемое по отношению к лицу, занимающему более низкое положение в социальной иерархии. Это не "дружеское ты", предполагающее ответное обращение на "ты" (симметричное *ты*), а барское или начальственное *ты*, не допускающее такого же обращения со стороны собеседника:

" — Если лень колокольчик поправить, так по крайней мере в прихожей бы сидел, когда стучатся. Ну вот теперь шубу уронил, олух...

— Прогнать тебя надо. Ступай доложи...

— Ну вот теперь с шубой идет! Шубу-то зачем несешь? Ха-ха-ха! Да ты сумасшедший, что ли?"

Эти реплики адресованы Настасьей Филипповной князю Мышкину, которого она принимает за лакея. В русском языке мы находим и лексические индикаторы ролевых отношений (*олух, сумасшедший*), и грамматические индикаторы (обращение в 3-м лице — *шубу уронил, теперь с шубой идет...*), но главным индикатором здесь является асимметричное *ты*. Рассмотрим теперь английский перевод этого отрывка:

'If you're too lazy to mend the bell, you might at least wait in the hall when people knock. There, now he's gone and dropped my coat, the oaf!

They ought to sack you! Go along and announce me'.

'Well, now he's taking my coat with him! What are you carrying my coat for? Ha-ha-ha! Why, you're not mad, are you?'

В переводе отражены должным образом лексические индикаторы (*oaf, mad*), обращение в 3-м лице (*now he's gone and dropped my coat; now he's taking my coat with him*). Но главная роль здесь принадлежит приемам, компенсирующим обращение на "ты". Эти приемы носят скорее негативный характер: во всех приведенных выше репликах обращает на себя внимание "значимое отсутствие" вежливых форм (*please, would you mind...*, вопросов типа *will you announce me* и т.п.).

Немотивированный сменой ролевых отношений переход на "ты" в русском языке может преследовать те же цели (унизить, оскорбить собеседника). Так, в одном из эпизодов романа Достоевского "Идиот" Ганя, взбешенный попыткой князя Мышкина заступиться перед ним за его сестру, кричит ему: — "Да вечно, что ли, ты мне дорогу переступить будешь?"

В переводе используется добавление — грубое *damn it*: 'Damn it... you're not always going to stand in my way, are you?'

Иногда внезапный переход на "вы" у людей, для которых нормой является обращение на "ты", также представляет собой умышленное нарушение правил речевого поведения и несет экспрессивную коннотацию. Так, в том же романе Достоевского в сцене ссоры с сестрой

Ганя внезапно переходит на "вы" и на обращение по имени и отчеству, демонстрируя свою отчужденность:

" — Из упрямства! — вскричал Ганя. — Из упрямства и замуж не выходишь! Что на меня фыркаешь. Мне ведь наплевать, Варвара Арнольдовна, угодно, хоть сейчас исполняйте ваше намерение. Надоели вы мне очень" — 'Out of obstinacy!' cried Ganya. 'You don't get married out of obstinacy too! What are you snorting at me for? I don't care a damn, sister dear! You can carry out your threat. I'm sick and tired of you.'

В английском тексте для изображения перехода на "вы" здесь используется компенсационный прием — помещенное в необычный контекст ласковое обращение *sister dear* приобретает иронический смысл.

От описанных выше случаев экспрессивного употребления индикаторов ролевых отношений следует отличать подлинную перемену ролевых отношений, происходящую иногда в ходе одного и того же речевого акта по молчаливому согласию собеседников (пересмотр ролевых отношений). Так, в одном из эпизодов "Героя нашего времени" Лермонтова Максим Максимович, делая официальный выговор младшему по чину Печорину, обращается к нему на "вы", но тут же переходит на дружеский тон и в дальнейшем называет его на "ты":

" — Господин прапорщик! — сказал я как можно строже. — Разве вы не видите, что я к вам пришел?

Исполнив долг свой, сел я к нему на кровать и сказал:

— Послушай, Григорий Александрович, признайся, что нехорошо".

Здесь перед нами происходит пересмотр ролевых отношений: *господин прапорщик* и обращение на "вы" сигнализируют об отношениях "начальник — подчиненный"; *Григорий Александрович* и обращение на "ты" — индикаторы отношений друзей.

В английском переводе это передано следующим образом:

'Ensign! Sir!' I said as severely as I could.

'Don't you realize that I've come to see you?'

Здесь индикаторами официальных ролевых отношений являются обращения *Ensign!* и *Sir!* При переводе с языка, где эта оппозиция не выражена, на язык, где она должна быть обязательно представлена тем или иным членом, необходим всесторонний учет языкового и внеязыкового контекста. Так, в переводе с английского на русский переводчик должен решить, что скрывается за недифференцированным английским *you* — *вы* или *ты*.

О том, что это решение не всегда бывает достаточно обоснованным, свидетельствует следующий пример из перевода на русский язык "Американской трагедии" Т. Драйзера:

And girls and women... calling to him gaily and loudly as the train moved out from one Station to another:

"Hello, Clyde! Hope to see you again soon. Don't stay too long there" — «И бывало, что какая-нибудь женщина или девушка... громко и весело кричала вслед отходящему поезду: „Хэлло, Клайд! Мы еще увидимся. Смотрите, не засиживайтесь там"».

В этом эпизоде описывается путь Клайда, которого везут из ок-

ружной тюрьмы в тюрьму штата. Собиравшиеся на платформе молодые женщины и девушки кричат ему ободряющие слова. Здесь ролевые отношения, возраст, статус коммуникатов — все подсказывает выбор *ты*.

Анализ контекста в таких случаях обычно сводится к поиску контекстуальных индикаторов, например форм обращения, помогающих выбрать соответствующее личное местоимение при переводе *you* на русский язык:

"MISS JEMINA!" exclaimed Miss Pinkerton, in the largest capitals. "Are you in your senses? Replace the Dixonary in the closet and never venture to take such a liberty in the future."

"Well, sister, it's only two-and-ninepence, and poor Becky will be miserable if she dont get one."

"Send Miss Sedley instantly to me," said Miss Pinkerton (Thackeray) —

"Мисс Джемайна! — воскликнула мисс Пинкертон". (Выразительность этих слов требует их передачи прописными буквами. — *А. Ш.*" — Да вы в своем ли уме? Поставьте словарь в шкаф и впредь никогда не позволяйте себе подобных вольностей.

— Но, сестрица, ведь всей книге цена два шиллинга девять пенсов, а для бедняжки Бекки это такая обида.

— Пришлите мне сейчас же мисс Седли, — сказала мисс Пинкертон".

В этом случае контекстуальные индикаторы противоречивы. С одной стороны, речь идет о сестрах — мисс Пинкертон, содержательнице пансиона, и мисс Джемайне. Все языковые маркеры свидетельствуют о сугубо официальном характере ролевых отношений между ними. Ср., например, обращение *мисс Джемайна*, официальный регистр реплик мисс Пинкертон: "...never venture to take such a liberty in the future"; "Send Miss Sedley instantly to me"; наконец, в другом месте — "Have you completed all the necessary preparations incidental to Mis\$ Sedley's departure?" Все это не оставляет сомнения в обоснованности решения переводчика в пользу *вы*.

Разумеется, индикаторами ролевых отношений служат не только личные местоимения. Прежде всего, существуют системы форм обращения, принятые в исходном языке и языке перевода и выполняющие аналогичную оппозициям местоимений функцию индикаторов ролевых отношений, например:

1) *Do o l i t t l e . Morning. Governor... I come about a very serioua matter, Governor (Shaw) —*

Дулиттл. Доброе утро, хозяин... Я к вам по очень важному делу хозяин".

2) *L a d y U t t e r w o r d . Nurse, will you please remember that I am Lady Utterword, and not Miss Addy, nor lovey, nor darling, nor doty, Do you hear?*

N u r s e . Yes, ducky; all right. I'll teil them to call you my lady (Shaw) —,

"Леди Эттеруорд. Няня, потрудитесь запомнить, что я леди Эттеруорд, а не мисс Эдди, и никакая не деточка, не цыпочка, не крошечка.

Няня. Хорошо, душенька, я скажу всем, чтобы они называли вас миледи".

В первом примере папаша Дулиттл, явившись в дом профессора Хиггинса, обращается к хозяину дома, называя его *governor*. В британском варианте английского языка *governor* — иронически-почтительное обращение к отцу, нанимателю, начальнику ("Chambers's Twentieth-century dictionary"). Для мусорщика Дулиттла, по-видимому, обычным является ролевое отношение "рабочий — наниматель". В русском языке при таких ролевых отношениях функциональным аналогом *governor* служит обращение *хозяин*.

Второй пример (из пьесы Шоу "Дом, где разбиваются сердца") интересен тем, что в нем старая няня никак не может пересмотреть ролевые отношения, которые когда-то существовали между нею и ее питомцами: несмотря на полученный ею выговор от леди Эттеруорд, она упорно продолжает называть ее *ducky*.

Разумеется, каждая система обращения привязана к определенной культурно-исторической среде. Попытки механического переноса этих обращений в иную среду далеко не всегда оказывались успешными. Так, в собрание переводческих анекдотов вошли обычные для английских переводчиков XIX в. (в том числе и для известной переводчицы русской классической литературы на английский язык К. Гарнет) переводы старых русских обращений *батьюшка* и *матушка* как *Little Father* и *Little Mother*. Некоторые буквализмы отмечаются и в наше время. Ср. следующий отрывок из романа Хемингуэя "Иметь и не иметь", переведенного опытной переводчицей Е. Калашниковой: 'Get out of here,' I told him. 'You're poison to me.' 'Brother, don't I feel as bad about it as you do!' — " — Убирайся вон, — сказал я ему, — смотреть на тебя противно.

— Братишка, да разве я не огорчен так же, как и ты?" Обращение *братишка* привносит в текст романа чуждый ему национально-исторический колорит. В сознании современного русского читателя оно ассоциируется с периодом гражданской войны. Этого смещения исторической перспективы можно было бы легко избежать, переведя *brother* как *приятель*, *дружище* и т.п.

Думается, что наиболее типичным стилистическим коррелятом ролевых отношений является так называемая "тональность" — термин, предложенный М.А.К. Хэллидеем (см. гл. I, раздел "Теория перевода и социолингвистика"). Приведем лишь некоторые примеры:

1) ...a fact which both Belknap and Jephson realized and which caused the latter to appear most frequently at Clyde's door with the greeting: "Well, how's tricks to-day?" (Dreiser) —

"Это понимали оба адвоката, и поэтому Джефсон все чаще появлялся у двери в камеру Клайда со словами:

— Ну как сегодня наши делишки?";

2) — Тьфу тебя! — сплюнул черномазый. — Пять недель назад я вот, как и вы, — обратился он к князю, — с одним узелком от родителя в Псков уеб, к тетке, да в горячке там и слег, а он без меня и помре. Кондрашка прошиб. Вечная память покойнику (Достоевский)—'Oh, to hell with you!' exclaimed the swarthy man, looking disgusted. 'Fiveweeks ago,' he addressed the prince, 'I ran away from my dad, with a small bundle, like yours, to my aunt in Pskov. I fell ill of a fever and took to my

bed, and he died while I was away. Died of a stroke, he did. May his soul rest in peace';

3) Well, I heard him say, 'By Jove, she's a neat little filly'(Thackeray) - «Тут я услышала, как капитан сказал: „Черт возьми, премилая девчурка"».

В этих примерах тональность реализуется в виде какого-либо определенного тона (фамильярного, развязного, грубого и т.п.). Так, в первом примере приветствие адвоката Джефсона (how's tricks today?) характеризуется дружески-фамильярным тоном. В переводе используется одно из традиционных средств передачи различных оттенков тональности — русское суффиксальное образование (ср. *как наши дела? и как наши делшки?*).

Тон высказывания во втором примере — грубый, резкий (*ТЬфу тебя! Кондрашка прошиб*). Здесь переводчику удалось передать тональность лишь частично: *ТЬфу тебя!* — Oh, to hell with you! *Кондрашка прошиб* передано как Died of a stroke — перевод, семантически вполне точный, но стилистически неадекватный. Ведь кондрашка — это просторечно-фамильярный эквивалент литературного *апоплексический удар*. Это не значит, что именно эту лексему необходимо было во что бы то ни стало передать с соответствующей эмоционально-стилистической коннотацией. Однако можно было использовать какой-либо компенсационный прием (например, had a stroke and kicked the bucket).

В третьем примере ролевые отношения собеседников характеризуются развязно-фамильярным тоном (ср.: by Jove!...a neat little filly). В переводе для передачи этого тона используются междометие *черт возьми!* и аффиксальные экспрессивные средства (*премилая, девчурка*).

Пересмотр ролевых отношений, как правило, также находит свое выражение в тональности речевого акта. Так, в пьесе Шоу "Майор Барбара" один из персонажей, Прайс, в присутствии Дженни, девушки из Армии спасения, говорит с Питером Шерли, только что прибывшим в убежище Армии спасения, ханжеским тоном, подделываясь под стиль проповеди: Poor old man! Cheer up, brother: you'll find rest and appiness ere...

Как только Дженни выходит из комнаты, он тут же переходит на фамильярно-снихождительный тон завсегдатая ночлежки, наставляющего новичка:

Ere, buck up, daddy! She's fetchin y'a thick slice a breadn treacle, an a mug a sky blue...

No good jawring about it. You're only a jumped-up, jerked-off, orspittle-turned-out inscurable of an ole working man: who cares about you Eh? Make the thievin swine give you a meal: they've stole many a one from you. Get a bit o yours bark.

Но лишь Дженни возвращается в ночлежку с едой, он вновь переходит на прежний тон: There you are, brother. Awsk a blessin an tuck that into you.

Языковые рефлексy смены ролевых отношений четко прослеживаются и в переводе:

"Несчастный старик! Возвеселись, брат: здесь ты обретешь отдых, мир и счастье..."

Ну же, встряхнись, папаша, сейчас она тебе притащит кусок хлеба с патокой да воды с молоком...

Что толку ныть, инвалид ты несчастный! Вышвырнули тебя, вытурили, дали по шее, кому ты теперь нужен? Пусть эти жулики хоть обедом тебя накормят, посчитай-ка, сколько обедов они у тебя украли! Хоть что-нибудь из своего вернешь...

Ну, брат мой, помолись и принимайся за угощение."

Смена тональности мастерски передана в переводе. Можно сказать, что тон проповедника, который в начале и в конце отрывка принимает Прайс, выражен в переводе еще отчетливее, чем в оригинале (ср., например, разговорные англ. *cheer up* и *tuck that into you* и рус. *возвеселись, принимайся за угощение*). Стилистический контраст между эпизодами, на которые разделяется этот отрывок, четко прослеживается при сопоставлении кореферентных выражений (например, *cheer up* — *возвеселись* и *buck up* — *встряхнись*, *brother* — *брат* и *daddy* — *папаша*). Жаргонное *skyblue* переводится нейтральным *вода с молоком*, но с точки зрения общей тональности отрывка это частично компенсируется разговорно-просторечным *притащит* вместо нейтрального *принесет* (на наш взгляд, здесь можно было бы пойти на известные семантические жертвы и перевести *a mug* а *skyblue* как *миска баланды*).

Для реализации некоторых ролевых отношений весьма существенна обстановка (*setting*), в которой происходит речевой акт. Так, для реализации роли судебного пристава необходима соответствующая обстановка — зал суда. Выполнение ролевых обязанностей предусматривает иногда произнесение ритуальных фраз, например:

And then a voice: "...Oyez! Oyez! All persons having business before the honorable Supreme Court of the State of New York, County of Catarqui, draw near and give attention. The court is now in Session" (Dreiser) — "Слушайте, слушайте! Все лица, чье дело назначено к слушанию в Верховном суде штата Нью-Йорк, округ Катарки, приблизьтесь и будьте внимательны! Сессия суда открывается".

Здесь, очевидно, требуется более традиционный функциональный аналог английской фразы *the court is now in Session*. На наш взгляд, таким аналогом является: Заседание суда объявляется открытым'.

Столь же ритуальными являются фигурирующие в следующем примере формулы, которые использует лакей во время приема гостей: — Ваше сиятельство! Его превосходительство просит вас пожаловать к ее превосходительству, — возвестил лакей (Достоевский) — "His excellency, sir, requests your presence in her excellency's apartments," announced the fireman.

Из сказанного никак не следует, что ролевые отношения проявляются лишь в диалогической речи персонажей в художественных текстах. Фактически ролевые отношения самым тесным образом связаны с дифференциацией языка в плоскости функциональных стилей и жанров. На это справедливо указывает К.А. Долинин, отмечающий, что, "функциональные стили — это не что иное, как обобщенные речевые жанры, т.е. речевые нормы построения определенных, достаточно

широких классов текстов, в которых воплощаются обобщенные социальные роли, такие, как ученый, администратор, поэт, политик, журналист и т.п. Эти нормы — как и всякие нормы ролевого поведения — определяются ролевыми ожиданиями и ролевыми предписаниями, которые общество предъявляет к говорящим (пишущим). Субъект речи (автор) знает, что тексты такого рода, преследующие такую цель, надо строить так, а не иначе, и знает, что другие (читатели, слушатели) ждут от него именно такого речевого поведения" [Долинин., 1978, 60].

Моделирование повседневного ролевого поведения, в котором важная роль принадлежит установке на адресата, прослеживается, например, в языке средств массовой коммуникации. Для последних характерно сочетание установки на "усредненного" массового получателя с дифференцированной ориентацией на определенные категории получателей. Процессы стандартизации языковых средств, деспециализации и популяризации терминов и др. отражают в той или иной степени апелляцию к массовому читателю. Вместе с тем для языка средств массовой коммуникации характерна определенная вариативность используемых языковых средств в зависимости от установки на те или иные социальные слои. Ср. следующие примеры текстов передовых статей из американских газет "Нью-Йорк тайме" и "Дейли ньюс"[см.: Швейцер, 1976, 111].

The New York Times

For decades architects in this country and abroad have been designing and building homes that, depending upon the climate, could be heated wholly or in part by the sun... To hasten wider use of solar energy in residential construction and to get various research under way on its application in industrial and commercial use, the House of Representatives is considering today a bill to establish a 50-million-dollar, five-year demonstration program.

Daily News

Our only regret is that some such Step wasn't taken a long time ago and made to stick... Philadelphia has recently slapped a similar no-parking order on its business area... Plenty of people at first will try to chip holes in the no-parking rules, for their own private benefits. We imagine more than one motorist will try to slip something to the nearest cop for letting him park awhile where he shouldn't.

Сопоставление этих двух текстов свидетельствует об известной корреляции между отбором языковых средств и спецификой адресата. Так, текст из "Нью-Йорк таймс" обнаруживает определенную селективность в отборе языковых средств с учетом той "просвещенной и респектабельной" аудитории, к которой апеллирует газета. Это находит свое проявление в строгой ориентации на кодифицированный литературный язык. Порой в качестве социолингвистических переменных здесь выступают единицы книжно-письменной речи, противопоставленные более нейтральным и разговорным (например, residential construction вм. home building; its application in industrial and commercial use вм. its use in industry and trade). Вместе с тем этому тексту присущи и некоторые характерные для средств массовой коммуникации признаки универсальности, ориентации на "усредненного" получателя: здесь отсутствуют, например, специальные термины (не считая деспециализированных типа "solar energy", вошедших

в широкий обиход), хотя обсуждаемая тема (использование солнечной энергии) и могла бы в известной мере оправдать их использование.

Совершенно иначе выглядит текст из "Дейли ньюс" — массового издания, рассчитанного на менее взыскательную аудиторию.

Здесь социолингвистическими маркерами являются такие единицы сниженной разговорной лексики и фразеологии, как to make something stick 'закрепить', to clap an order 'спустить указание', to chip holes 'вынюхивать лазейки', to slip something 'сунуть в лапу', сор 'полицейский'. Автор статьи как бы разговаривает "на равных" с малообразованным обывателем, на которого ориентирована газета.

Попытаемся проследить, как отмеченная выше тональность прослеживается в переводе на русский язык:

Нью-Йорк таймс

В нашей стране архитекторы уже в течение ряда десятилетий проектируют и строят дома, которые, в зависимости от климатических условий, могли бы полностью или частично отапливаться за счет солнечной энергии... В целях ускорения широкого применения солнечной энергии в жилищном строительстве и развертывания серьезных исследований для обеспечения ее применения в промышленности и торговле палата представителей приступает сегодня к рассмотрению законопроекта о выделении 50 миллионов долларов на осуществление опытно-показательной программы, рассчитанной на пять лет.

Дейли ньюс

Жаль только, что такие меры не были приняты раньше и притом "без дураков"... Недавно городские власти Филадельфии спустили указание о запрете стоянки в деловом центре города... Конечно, найдется немало людей, которые попытаются вначале вынюхивать лазейки в правилах, запрещающих стоянку. Наверняка найдется немало водителей, которые попытаются "сунуть в лапу" ближайшему "фараону", чтобы тот позволил им поставить на стоянку машину, где это запрещено.

В переводе из "Нью-Йорк тайме" мы находим ту же ориентацию на литературный язык, специфические признаки книжной речи в синтаксисе (сложные синтаксические конструкции, причастные обороты) и лексике (*климатические условия, осуществление, обеспечение, развертывание* и др.). Что касается перевода из "Дейли ньюс", то в нем достаточно точно передана разговорно-фамильярная тональность оригинала (ср. разговорно-просторечные *без дураков, сунуть в лапу, фараон* и др.).

Ср. также следующий пример из русского газетного текста, адресованного подростку: Для непосвященных зрителей, которые, запрокинув головы, с восхищением следят за тобой с земли, полет представляется воздушной прогулкой. Они не знают, сколько долгих часов провел ты за тренажером, с какой методичностью вгонял тебя в пот инструктор... — To the uninitiated rubbernecks who, with bated breath, watch you from the ground, your flight looks like a pushover. Little do they know how many long hours you have spent at the flight Simulator or how hard the instructor has been sweating you.

В русском тексте основным маркером ролевых отношений является *ты*. В переводе на английский текст используются компенсирующие стилистические средства (сленг rubberneck 'наблюдатель, зритель', сленг pushover 'легкое дело').

Как следует из сказанного, переводческие проблемы, связанные с

учетом установки на получателя (перевод реалий, аллюзий, передача маркеров стратификационной и ситуативной вариативности), охватывают необычайно широкий диапазон переводческих приемов. Здесь наряду с традиционными приемами перевода, применяемыми при передаче смыслового содержания текста (такими, как субституция, гиперонимическая и интергипонимическая трансформации и др.), используются и приемы, характерные для передачи прагматических аспектов текста, например: замена реалии или аллюзии ее аналогом, уточняющее дополнение, поясняющий (интерпретирующий) перевод, раскрывающий неясные для конечного получателя пресуппозиции и импликации, переводческое примечание и различные виды компенсирующего перевода (в том числе межуровневого, например заменяющего фонетические маркеры стратификационной и ситуативной вариативности лексическими, лексические — синтаксическими и лексико-морфологические — стилистическими).

Данные, приведенные в этом разделе, подтверждают сформулированное выше положение о том, что прагматическая установка на иноязычного и инокультурного получателя нередко требует трансформаций, модифицирующих смысловое содержание текста.

КОММУНИКАТИВНАЯ УСТАНОВКА ПЕРЕВОДЧИКА

Выше отмечалось, что переводчик, в особенности переводчик художественного текста, неизбежно привносит в процесс перевода свои собственные характеристики. Это сказывается и на этапе интерпретации исходного текста, и на этапе создания нового текста на языке перевода. К этим характеристикам относится верность переводчика определенной культурной, и в частности литературной, традиции, его собственное творческое и эстетическое кредо, его связь с собственной эпохой и, наконец, та конкретная задача, которую он сознательно или неосознанно ставит перед собой.

Личность переводчика находит свое проявление в его коммуникативных установках. Столкновение этих установок с установками автора представляет собой один из парадоксов перевода, одну из его сложнейших проблем, решение которой не всегда под силу даже величайшим мастерам. Так, И.А. Кашкин приводит поучительный пример — попытку Лермонтова перевести на русский язык байроновское стихотворение "Farewell":

These lips are mute, these eyes are dry,
But in my breast and in my brain
Awake the pangs that pass not by,
The thought that ne'er shall sleep again...

В первоначальном варианте лермонтовского перевода выраженные "простыми словами простые мысли" Байрона заслонила бурно прорвавшаяся сквозь байроновский текст личность переводчика-поэта:

Уста молчат, засох мой взор,
Но подавили грудь и ум
Непроходимых мук собор
С толпой неусыпимых дум.